

*Все сказки
старого
Вильнюса*

ИВЖС

*Все сказки
старого
Вильнюса.
Продолжение*

ФРДИ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Дизайн макета В.Половцев

Дизайн обложки Е. Петрова

Фрай, Макс

Ф82 Все сказки старого Вильнюса. Продолжение (репринтное издание) / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 848 с. — (Макс Фрай: подарочное издание).

ISBN 978-5-17-114669-6

Имя Макса Фрая уже известно всем ценителям хорошей литературы, а «Сказки старого Вильнюса» — один из самых известных и ожидаемых циклов современного фэнтезийного мира.

Эта книга — вторая часть подарочного издания, в котором написанные от руки комментарии и эксклюзивные фотографии Вильнюса сделаны лично автором.

«В Старом городе Вильнюса, как выяснилось, сто сорок семь улиц, переулков, площадей, рынков и мостов; зная характер нашего города, мы не сомневаемся, что это число еще не раз изменится, здесь у нас чуть ли не каждый день что-нибудь появляется и исчезает, а всем кажется, всегда так и было — это одно из правил нашей тайной повседневной игры...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114669-6

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Площадь Йоно Жемайчэ (Jonas Žemaičio a.)

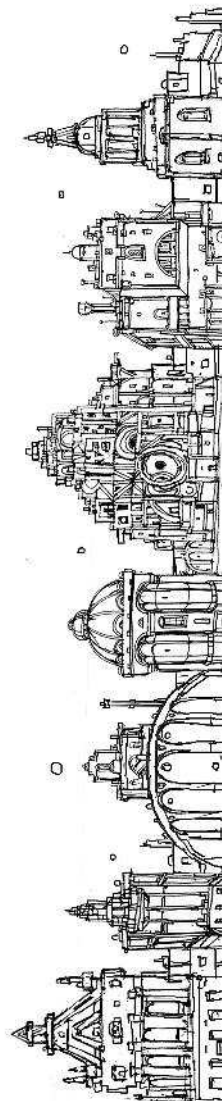
Правила джиннов

Юсуф был странный.

Во-первых, одно имя чего стоит. С таким именем хорошо быть персонажем «Тысяча и одной ночи» или, ладно, арабским студентом, их у нас не то чтобы много, но все-таки есть. Или хотя бы просто смуглым бородатым брюнетом с манерами избалованного и одновременно давно не кормленного кота. А в сочетании с русыми волосами, бледно-голубыми, словно бы выцветшими на солнце глазами и веснушками на носу имя Юсуф кажется таким же невозможным, как крылья, клыки или хвост. Рога, и те были бы уместней: по крайней мере, под ними можно вообразить невидимый шлем, а викинг из широкоплечего увальня Юсуфа — хоть сейчас в голливудскую массовку зазывай.

Во-вторых, Юсуф всегда ходил в юбке. Не в одной и той же; юбок у Юсуфа было много, он часто и с явным удовольствием их менял. Длинные, узкие из строгой костюмной ткани; кожаные, рокерские, с заклепками и застежками-«молниями» в самых неожиданных местах; пестрые, широкие, как японские штаны-хакама; брезентовые, блестящие, с ассиметричным косым подолом; да какие угодно, разве что, ни одной клетчатой. Подозреваю, Юсуф не хотел портить сног-

При всем уважении к разнообразию вилениской уличной моды мужские юбки у нас так и не принесли.

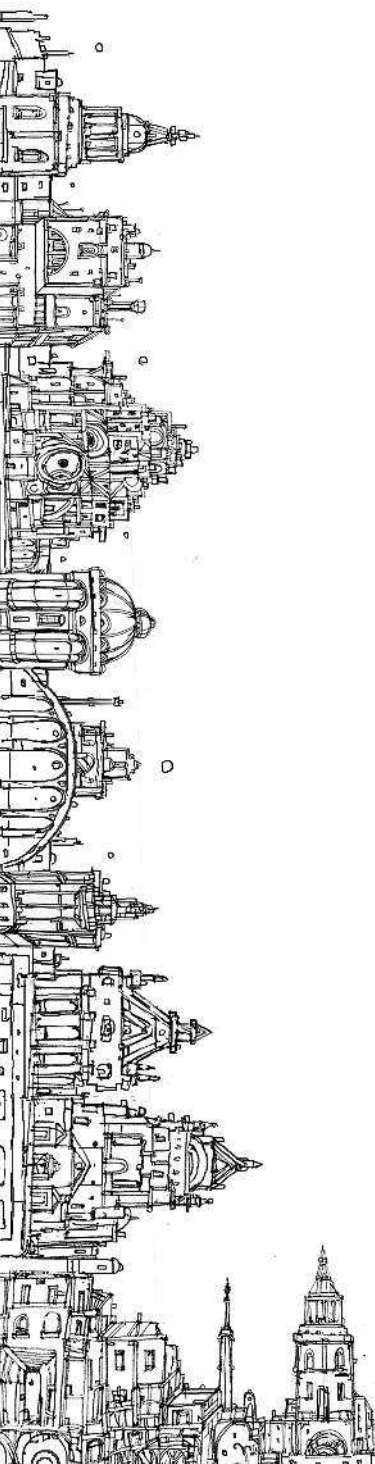
сшибательный эффект даже минимальным сходством с шотландцами, толпа которых ежегодно приезжает на баскетбольные матчи и гуляет по городу в традиционных килтах, к ним-то давно все привыкли, зато к другим вариантам — нет. Теоретически вполне общеизвестно, что мужские юбки с завидной регулярностью появляются в коллекциях haute couture разных модных домов, но мало ли что творится на подиумах, по улицам в таких нарядах пока не очень-то ходят. А если и ходят, то не у нас.

В-третьих, у Юсуфа было два профиля, настолько непохожих, словно его голову слепили из двух разных голов. Если присмотреться, становилось понятно, что на самом деле у него просто сломан нос, да так удачно, что анфас практически незаметно, зато один профиль получился курносый, а второй — роскошный, орлиный, хоть сейчас на монете чекань. И улыбался он криво, всегда только одной левой половиной рта, одновременно трагически заламывая правую бровь, так что горбоносый профиль обычно выглядел веселым, а курносый — подчеркнуто меланхоличным. Когда рассказываешь, получается, словно бы Юсуф нарочно так кривлялся; но кажется, все-таки нет.

И в четвертых, при всей своей ослепительной эксцентричности, Юсуф был воплощением здравого смысла. Очень спокойный и рассудительный человек. И, насколько можно судить со стороны, хозяйственный и практичный. По крайней мере, «Черная чашка» при нем расцвела.

«Черная чашка» — это кофейня на площади Йоно Жемайчэ, напротив военного министерства, маленькая, всего на шесть столов и два широких подоконника, на которых тоже можно сидеть. Сперва Юсуф стал одним из ее завсегдатаев, а потом как-то незаметно перемес-

У кафе "Черная чашка" нет прототипа. А жаль!

тился за стойку и выглядел там уместно и естественно, словно всегда так и было. Я так понимаю, хозяевам кофейня уже надоела, закрывать ее было жалко, а Юсуф просто в нужный момент подвернулся под руку и сделал им хорошее предложение; впрочем, это только мои догадки, как там было на самом деле, я не знаю.

Факт, что Юсуф стал единолично хозяйничать в «Черной чашке», с утра до вечера, без выходных, и как-то со всем справлялся сам, без помощников, даже посуда на столах не задерживалась, и мусорное ведро оставалось, в худшем случае, полупустым, и туалет блестел, и очередь собиралась — ну, максимум два-три человека, хотя дела в кофейне явно пошли в гору; я имею в виду, народу порядком прибавилось, как магнитом всех притягивало. И ясно было, что этот магнит — Юсуф, который, с точки зрения стороннего наблюдателя, большую часть времени вообще проводил снаружи, у входа, с короткой черной сигаретой в зубах. Юсуф дымил, как паровоз. Но каким-то непостижимым образом, это совершенно не мешало ему в нужный момент оказываться за стойкой с очередной порцией только что приготовленного кофе в руках.

Я ходила в «Черную чашку» и до Юсуфа, когда там хозяйничали Кястас и Настя, сперва полные энтузиазма, потом уже не особо; я не раз слышала краем уха, как они деликатно переругиваются друг с другом по телефону на тему: «И ни одна зараза не приходит меня, бедняжечку, подменить». Под конец они уже совсем пали духом, сидели с кислыми минами, перестали заказывать свежую выпечку, ради которой многие к ним ходили, даже кофе стал ощутимо хуже, и я мысленно возложила венок на гроб любимой кофейни, которая так удачно расположена на моем ежедневном марш-

руте между работой и домом, что хочешь, не хочешь, свернешь. По утрам глоток эспрессо придает мне нужное ускорение, а латте с сиропом по вечерам помогает вспомнить, почему я до сих пор не повесилась. Да потому, что жизнь, несмотря ни на что, хороша. По крайней мере, местами. И «Черная чашка» — одно из этих мест.

Кстати, при Юсуфе кофе в «Черной чашке» стал не просто лучше, а по-настоящему отличным, это даже мне было ясно, хотя я совсем не гурман. У меня один внятный критерий: если горько и при этом не противно, значит, все хорошо.

Но положила руку на сердце, дело, конечно, не в кофе. А в обстановке. И в атмосфере. Я хочу сказать, что с тех пор, как в «Черной чашке» начал хозяйничать Юсуф, мне стало гораздо проще вспоминать, почему я до сих пор не повесилась. И даже вовсе не задаваться этим вопросом — в некоторые, особо удачные дни.

Мы с Юсуфом здоровались еще в те времена, когда он был не барристой, а простым завсегдатаем, как я сама. Ну то есть, как — здоровались, просто обменивались приветливыми кивками. Позже, обосновавшись за стойкой, он стал полноценно желать мне хорошего утра, дня, или вечера, как и всем остальным клиентам; я вежливо отвечала, но и только, заговорить с ним мне бы в голову не пришло. Я не люблю разговаривать с незнакомцами; положила руку на сердце, со знакомцами тоже, я вообще не люблю разговаривать с людьми, зато мне нравится слушать, что они говорят — не мне, а друг другу. Поэтому болтовню Юсуфа с другими посетителями «Черной чашки» я всегда подслушивала с удовольствием, хотя ничего особенно интересного он им вроде бы не рассказывал. Просто журчал, как ручей, спокойно и даже как-то утешитель-

но — не по смыслу, по интонации; послушаешь несколько минут, и потом целый день ходишь довольная, хотя ничего особенно хорошего с тобой не случилось, да и вообще — ничего.

Впервые Юсуф заговорил со мной однажды вечером, когда я курила, усевшись снаружи на подоконнике, где всегда по традиции лежали тонкие маты из кожзаменителя, специально для желающих сесть. Спросил: «Он не мокрый? — и, не дожидаясь ответа, пояснил: — Днем был небольшой дождь».

Я ответила: «Спасибо, вроде уже не мокрый», — вот и весь разговор.

Но для Юсуфа с этого момента все изменилось. Вероятно, в голове у него хранился список клиентов, с которыми следует или просто можно разговаривать, и теперь он всякий раз беседовал со мной о погоде, городских праздниках, ремонте соседних улиц, отреставрированных домах, новых скульптурах, музыке, кинофильмах и других пустяках, обращался так ласково и доверительно, словно я была его любимой младшей сестрой; я ненавижу так называемые «смолл-токи», всю эту необязательную болтовню ни о чем, но всякий раз покупалась на его интонацию и отвечала почти с удовольствием, а может быть, слово «почти» здесь лишнее; ладно, чего там, с Юсуфом было приятно поговорить. Однажды вечером он, ни о чем не спрашивая, протянул мне светло-коричневую таблетку: «У вас начинает болеть голова; вы, наверное, думаете, кофе поможет, но сегодня лучше примите цитрамон». Я так растерялась, что проглотила таблетку, хотя обычно не принимаю лекарства, запила предупредительно подsunутой минералкой; Юсуф подмигнул: «За стоворчивость вам полагается кофе за счет заведения. Но — не сегодня. В следующий раз».

На самом деле я совсем не отличаюсь стоворчивостью, но в тот раз ушла домой, так и не выпив кофе, спрашивала себя по дороге: «Мама, что это было? Гипноз?» Но голова, надо сказать, прошла практически сразу, за это я была благодарна Юсуфу. Жизнь и так невеселая штука, куда мне еще дополнительная боль.

На следующий день Юсуф и правда не взял с меня денег за кофе, но вел себя сдержанно, с разговорами особо не лез, всем своим видом показывал, что не претендует на новую степень близости или какое-то особое отношение только потому, что вчера дал мне таблетку, а я ее приняла. Мне это понравилось: такая подчеркнутая деликатность по нынешним временам великая редкость, я очень ее ценю.

Примерно неделю спустя я возвращалась с работы довольно поздно, около десяти. Так иногда бывает: жизнь главного бухгалтера сравнительно небольшой юридической фирмы, по большей части, легка и беззаботна, но пару раз в год наступает расплата. В смысле аврал. Впрочем, мне-то как раз грех жаловаться, авралы меня бодрят, будь моя воля, устраивала бы их почаще; ладно, как есть, тоже вполне ничего.

Я была уверена, что в это время «Черная чашка» уже закрыта, но в зале горел свет, а за столом напротив окна сидела парочка, оба огненно-рыжие, с совершенно одинаковыми аккуратными вздернутыми носами, так что не поймешь, то ли влюбленные, то ли просто брат и сестра. Юсуф нес вахту у входа, курил свою черную сигарету, приветливо улыбнулся мне половиной рта: «Как вы сегодня поздно! Я думал, уже не придете. Очень вам рад».

Разумеется, я зашла. И заказала латте, хотя по моему опыту, после восьми вечера кофе, включая сов-

сем слабый и сладкий, мне лучше не пить. Но если всегда поступать правильно, жизнь окончательно утратит даже те остатки смысла, которые мы придумали себе в утешение, потому что никакого смысла, конечно же, нет.

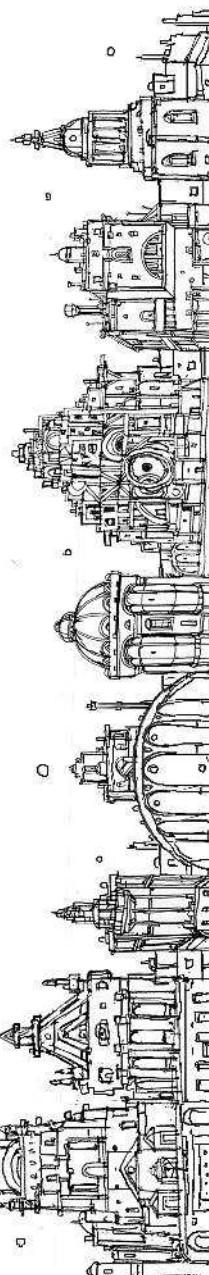
Пока я пила латте, примостившись на высоком табурете у стойки, Юсуф прошелся по залу, шурша подолом длинной широкой юбки из какой-то блестящей, на вид непромокаемой ткани, собрал пустые чашки и вытер столы, не несколькими суетливыми жестами, как сделала бы я сама, а одним долгим непрерывным движением; никогда прежде не обращала внимания, как он наводит порядок, а сейчас наконец оценила. Очень красиво, как будто уборка грязной посуды — какое-то тайное боевое искусство, и Юсуф в совершенстве им овладел.

Вернувшись за стойку, Юсуф вдруг сказал: «Мне кажется, вы должны хорошо играть в нарды. Хотите партию? Я очень давно не играл, да и вы тоже».

Я не успела не то что ответить, даже обдумать его предложение, а передо мной уже лежала маленькая карманная доска с крошечными магнитными шашечками; считается, что дорожная, у меня тоже такая есть, хотя сама не знаю, зачем ее купила, играть-то мне не с кем, ни дома, ни в дороге. Я живу одна и путешествую тоже одна. И действительно очень соскучилась по игре.

— Странно, — сказал Юсуф, когда я бросила кубики, — почему-то мне кажется, что в последний раз вы играли в нарды со смертью. Но это все-таки вряд ли. Смерть не играет в настольные игры с людьми.

Я уставилась на него, забыв сделать ход: что за чушь?! Но потом кое-что вспомнила и удивилась еще больше. И рассмеялась, потому что правда вышло смешно.

— В последний раз я играла в нарды с папой, — наконец сказала я. — Но знаете где? В похоронном бюро! Он там одно время работал администратором, или что-то вроде того; не знаю, я не вникала, слишком далеко друг от друга живем. Несколько лет назад приехала в гости, зашла за папой к нему на работу, чтобы вместе идти в ресторан, а ему надо было кого-то дожидаться, не то взять, не то отдать ключи; в общем, тогда мы с ним и поиграли, хороший способ скоротать полчаса.

— А, — с явным облегчением кивнул Юсуф, — да, так понятно. А то получалась какая-то ерунда.

— Но откуда вы вообще взяли?.. — начала было я, но он меня перебил:

— Ваш ход.

Даже не знаю, почему не стала требовать у него объяснений. Скорее всего, потому, что и сама понимала: что ни скажет, все равно не поверю. А если поверю, тем хуже. Мне потом с этим жить.

Первую партию я выиграла, вторую проиграла, третью и четвертую снова выиграла, обе с минимальным преимуществом, зато пятую проиграла как-то совершенно позорно, а перед началом шестой мы вдруг обнаружили, что уже половина первого. И Юсуф предложил: «Отыграетесь завтра. Вам же, наверное, рано вставать».

Назавтра я и правда отыгралась, выиграла три партии из четырех. Немного опасалась, что теперь придется играть каждый вечер, и мне быстро надоест, а Юсуф так искренне радуется что нашел наконец подходящего партнера для любимой игры, что мне будет проще сменить кофейню, чем придумать, как вежливо ему отказать. Но Юсуф больше не вспоминал о нардах, так что примерно через неделю я сама предложила сыграть,

и он просиял: «Отлично! Я уже очень соскучился, но не хотел вам надоедать».

В подобных случаях обычно говорят: «Так мы и подружились». Но даже наедине с собой я могу сказать только: «Так мы... не знаю что». Потому что я правда не знаю, что именно произошло между нами. И произошло ли вообще хоть что-то. По большому счету, мы с Юсуфом из «Черной чашки» просто стали регулярно играть в нарды, примерно раз-два в неделю. А иногда вместе выходили покурить.

Однажды мы курили у входа в кафе, а по площади, мимо военного министерства шли моряки в красивой парадной форме. Не знаю, как их к нам занесло, у нас не портовый город; впрочем, неважно. Я тогда почему-то призналась Юсуфу:

— Я в детстве хотела стать моряком, представляете?

— А я — джинном, — откликнулся он.

— Кем?! — переспросила я, в полной уверенности, что ослышалась.

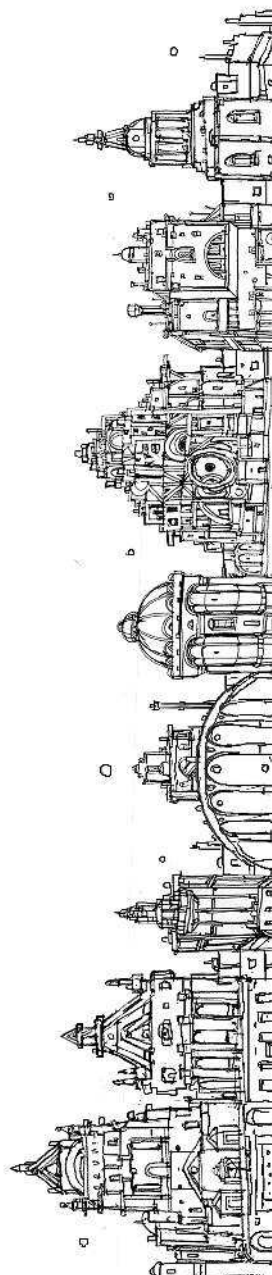
— Джинном, — повторил Юсуф. — Всемогушим, как в сказках, только, конечно, без лампы. Чтобы не выполнять желания любого дурака, который ее найдет, — и, помолчав, добавил: — Но я, кстати, до сих пор не передумал. Работаю в этом направлении. Делаю, что могу.

— Джинном, значит, — растерянным эхом откликнулась я. — Духом, созданным из чистого бездымного пламени. Хорошая, должно быть, профессия. Губа не дура у вас.

— Не дура, — спокойно подтвердил Юсуф. — Но человеку трудно стать джинном.

— Трудно, но все-таки можно?

— Точно пока не знаю. Надеюсь, что да, — сказал он, выбросил докуренную сигарету и исчез за дверью

кафе. Я вошла следом; Юсуф как раз ставил перед очередным клиентом чашку с только что сваренным кофе, как будто никуда не выходил.

Три дня спустя, когда я снова застала Юсуфа у входа в «Черную чашку» с сигаретой в зубах, он, не поздоровавшись, сказал:

— Есть сорок правил, исполняя которые на протяжении достаточно долгого времени, человек может стать джинном. А может и не стать, тут уж как повезет. Не всякий человек подходит для превращения в джинна. Но пока не попробуешь, не узнаешь, подходишь ли ты.

Я так удивилась, что споткнулась и чуть не упала; и упала бы, если бы Юсуф меня не подхватил. Спросил:

— Не ушиблись?

А я спросила:

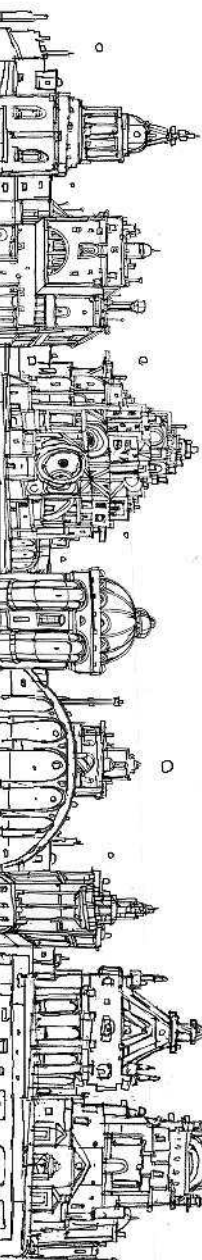
— Что за правила? Откуда вы их узнали? Как такое вообще может быть?

— Понятия не имею, — ответил Юсуф. — Может быть, они мне приснились. А может быть, пригрезились наяву. — И, рассмеявшись, добавил: — А может быть, я просто сам эти правила выдумал. У меня в детстве воображение было — о-го-го!

Мне почему-то стало так обидно, словно я уже твердо решила превратиться в джинна, дело оставалось за малым: получить инструкцию. И вдруг выясняется, что никакой инструкции нет, меня разыграли, умеренно остроумно и совершенно непонятно зачем.

— Извините, — поспешно сказал Юсуф. — На самом деле ничего я не выдумывал. Куда уж мне. Просто сперва сказал вам правду: «Они мне приснились», — сразу понял, как глупо это звучит, и попытался превратить разговор в шутку. Шутка явно не удалась.

— Нормально звучит. Всем время от времени снятся странные сны. И некоторые люди, включая меня,

придают им довольно большое значение, — заметила я. И вошла в кафе, а Юсуф остался на улице со своей сигаретой. Но за стойкой он все равно почему-то стоял.

Кроме нас в «Черной чашке» никого не было, хотя время самое бойкое, вечер, в начале седьмого здесь обычно полно народу, куда они сегодня все подевались? Нет, правда, куда?

— Первое Правило Джиннов, — сказал Юсуф, ставя передо мной пиалу с зеленым чаем вместо привычного латте, — гласит: завладей семью вещами, на которые не имеешь права по рождению. Звучит как нечто невыполнимое, правда? Но я в свое время много об этом думал и понял, что не обязательно грабить караваны и убивать царей, чтобы занять их престол. Можно просто уехать из города, в котором родился, поселиться в другом, изучить его лучше, чем старожилы, полюбить, устроиться, завести дом, обрести кучей приятелей, стать завсегдатаем в местных кофейнях, быть в курсе всех городских новостей, радоваться добрым переменам и огорчаться, когда в городе что-то не так, словом, сделать чужой город своим — вот вам и первый пункт.

— Это и правда не слишком сложно, многие так удачно переезжают, — согласилась я. — А еще что?

— Можно сменить имя, — улыбнулся Юсуф. — По крайней мере, я это сделал; специально выбрал арабское имя — в честь джиннов и просто потому, что я сам — человек другой культуры. Не араб, а наполовину белорус, а наполовину поляк. Мои родители никак не могли назвать ребенка Юсуфом. Никаких шансов! Тем не менее это теперь мое имя. Даже в паспорте записано. Менять документы хлопотно, но я решил, дело стоит таких трудов.

— И юбки вы поэтому носите? — не удержалась я.

